

Ростом мужчина был почти метр девяносто, телосложением — крепок. Даже сквозь одежду чувствовались плотные мышцы.

Особенно грудные...

Появившийся перед Цзян Чэньи мужчина был с прямыми бровями и ясным взглядом, от него веяло прямоотой и праведностью. Только лицо было немного бледным, и с первого взгляда было понятно: умер он от тяжёлых ран.

Именно он был духом, который восстанавливался в колокольчике, и той самой фигурой, которая отбила удар Юй Миня, когда тот напал.

— Наконец-то очнулся. Я в тебя столько заслуг влил — если бы ты и дальше молчал, я бы уже рукой махнул.

Цзян Чэньи прищурился, разглядывая духа. Судя по одежде, он предположил, что мужчина, скорее всего, погиб на поле боя.

Мужчина будто смутился, слегка опустил голову, и в глазах у него появилась вина.

— Прости, я доставил тебе хлопоты.

Цзян Чэньи застыл.

Голос этого мужчины...

Его горло подсознательно дрогнуло. Он убрал руку, выпрямился и махнул мужчине.

— Ладно. Супермаркет дал мне поручение, это моя работа.

Цзян Чэньи с силой потёр уши и продолжил:

— Сейчас я записываю шоу, принимать тебя не очень удобно. Когда закончу работу и вернусь в супермаркет, тогда поговорим подробно.

С этими словами он погладил колокольчик и силой убрал мужчину обратно.

— Фух...

Он долго выдыхал, затем беспомощно закрыл лицо ладонью.

Отлично. Прожив больше двадцати лет, он, оказывается, не знал, что так реагирует на голос!

О нет, неправильно. На голоса других людей у него такой реакции не было. Только на голос этого духа...

— Просто убиться можно! — Цзян Чэнъи снова с силой потер ухо, пока не заглушил жар.

— Супермаркет... поменяй ему одежду. Заслуги... вычти с меня.

Сказав это супермаркету мысленно, он шагнул обратно.

Третье поручение наконец было выполнено, но у Цзян Чэнъи сейчас совсем не было настроения подсчитывать, сколько очков заслуг он получил.

Когда он вернулся к домику, кроме пятерых гостей там оставался только сам режиссёр.

Увидев его, все посмотрели в его сторону.

— Сяо Цзян, куда ты уходил? — Ло Цюмин немного нервничал. Сейчас общественное мнение в сети сосредоточилось на Юй Мине и Цзян Чэнъи, и он боялся, что Цзян Чэнъи увидит плохие комментарии.

Цзян Чэнъи тяжело вздохнул и под тревожным взглядом объяснил:

— Я ходил уговаривать одного человека. Убеждал её пойти в полицию.

— ???

Эта фраза Цзян Чэнъи заставила всех потерять нить. Мозг режиссёра завис, и слова, которые он хотел сказать, полностью забылись.

Молодой человек с любопытством посмотрел на них:

— Вы здесь... ждали меня?

Уголки губ Ци Юнь дёрнулись. Ей казалось, что Цзян Чэнъи слишком беспечен... Только что пережил такое крупное происшествие, а всё равно может быть таким спокойным!

Режиссёр наконец вспомнил, что хотел сказать. Он придержал лоб и с большим бессилием произнёс:

— Ты знаешь, почему такую серьёзную вещь надо было говорить прямо перед камерой?

Цзян Чэнъи моргнул и спросил в ответ:

— Разве первым начал устраивать проблемы во время игры не Юй Минь?

Он вообще не собирался действовать в этот момент. Кто виноват, что тот человек сам не выдержал?

Режиссёр поперхнулся. Дальше говорить было трудно.

На самом деле, как и сказал Цзян Чэнъи, первым начал провоцировать именно Юй Минь. И даже когда Ло Цюмин явно разозлился, тот не остановился. То, что всё кончилось так, — исключительно его собственная вина.

— Тогда ты... ай! — Режиссёр чувствовал, что голова сейчас разорвётся.

Цзян Чэнъи беспомощно пожал плечами:

— Я изначально думал действовать открыто в последний день записи, но... я тоже не ожидал, что у него настолько слабая выдержка.

Ладно, не говори больше. Ты так режиссёра до смерти доведёшь...

Ло Цюмин поспешно придержал покачнувшегося режиссёра и отчаянно подал Цзян Чэнъи знаки глазами.

Цзян Чэнъи развёл руками. Он думал, что люди, сумевшие пробиться в шоу-бизнесе, всё-таки обладают хотя бы каким-то соображением. Кто бы знал...

Он не знал, что по-настоящему довело Юй Миня до срыва именно ощущение угрозы, исходившее от самого Цзян Чэнъи.

Юй Минь боялся, что Цзян Чэнъи войдёт в их круг, потому что в глазах посторонних их внешняя атмосфера была похожа.

Но сам Юй Минь знал, что он полностью противоположен своему публичному образу. Если образ рухнет, он точно потеряет огромное число фанатов.

А с учётом того, что внешность Цзян Чэнъи намного превосходила его, если бы молодой человек действительно вошёл в шоу-бизнес, где тогда осталось бы место для самого Юй Миня?

Скажи такое вслух, другие, возможно, сочли бы, что он преувеличивает. Но интуиция Юй Миня говорила: будет именно так.

А своей интуиции он очень доверял.

Поэтому он решил ударить по Цзян Чэнъи первым. Стоит не дать этому человеку войти в шоу-бизнес, и он будет в безопасности.

Нельзя сказать, что Юй Минь задумал плохо.

К сожалению, против Цзян Чэнъи его приёмы совсем не работали, потому что тот ни капли не интересовался шоу-бизнесом.

Не сумев убедить Цзян Чэнъи, режиссёр мог только уйти и думать, как решить этот инцидент.

А вокруг Цзян Чэнъи всё ещё крутилась группа людей. Им было очень любопытно, правда ли то, что он сказал раньше.

— А какие именно слова? — Он сказал столько всего. Откуда ему знать, что они хотят спросить?

Ци Юнь была нетерпеливой и поспешно спросила:

— Ну то, что ты сказал, будто Юй Минь смотрел, как его родную мать избивают. Он это знал?

Цзян Чэнъи не стал скрывать и решительно кивнул:

— Да. Он видел своими глазами. Поэтому я и спросил, о чём он тогда думал.

Ци Юнь продолжила допытываться:

— Тогда... значит, мама Юй Миня сбежала потому, что больше не могла терпеть домашнее насилие?

После противостояния Цзян Чэнъи и Юй Миня это была первая мысль.

Не только у них. Наверное, большинство людей, видевших прямую трансляцию, думали так же.

Однако эту догадку, которую они считали вероятной на восемьдесят процентов, Цзян Чэнъи отверг:

— Как всё может быть настолько просто?

Ч... что?

Режиссёр, который в стороне размышлял о способах решения проблемы, молча подплыл обратно. Но Цзян Чэнъи больше ничего не сказал.

— Ждите. Скоро кто-нибудь придёт искать Юй Миня. А, точно. Юй Минь ведь ещё вернётся сюда? — Если не вернётся, ему ещё придётся спрашивать, где тот находится.

Ци Юнь и её подруга, любительница скандальных сплетен, просто не могли вынести, что Цзян Чэнъи говорит только половину.

— Брат Цзян! Брат И! Смилуйтесь. В чём там эта «непростота»? Расскажите! Мы обещаем не говорить наружу!

Хэ Суйсуй с братом, Ло Цюмин и режиссёр дружно и яростно закивали. Но Цзян Чэнъи, этот бессердечный мужчина, так и не выдал ни слова.

Проигнорировав полные обиды взгляды группы, Цзян Чэнъи первым ушёл в комнату спать.

На четвёртый день записи, предпоследний день этого выпуска, Цзян Чэнъи проснулся так же рано.

Только этим утром запись не вели, потому что Юй Минь всё ещё был в больнице и не вернулся.

К полудню первой вернулась младшая сестра Юй Миня.

Она прямо побежала к Цзян Чэнъи. Тусклые глаза снова засияли новым светом.

— Я... я сделала это!

Она задыхалась. Тело слегка дрожало от волнения, но все присутствующие слышали в её голосе радость, облегчение и густую печаль.

Они не понимали, как один человек может одновременно выражать взглядом два таких разных чувства, но Ци Юнь и Хэ Суйсуй, глядя ей в глаза, почему-то почувствовали щемящую боль.

Возможно, из-за актёрской чувствительности они ощущали в этой младшей сестре давно ожидаемую свободу.

Потому что она наконец свободна — поэтому радость.

Но потому что её держали в оковах двадцать лет, в этой радости была и невыводимая печаль.

Цзян Чэнъи поманил сестру рукой. Та послушно присела, позволяя руке молодого человека лечь ей на макушку.

— Когда это дело полностью закончится, приходи ко мне. После этого ты будешь свободна. Хочешь учиться — учись, хочешь влюбиться — влюбляйся, куда хочешь идти — туда и иди. Только помни о безопасности.

— И даже, Юй Сяохуа, ты можешь сменить имя. Разве твоя мама при жизни не говорила, что хочет назвать тебя Чжао?

— В «Ши цзине» есть строка: «Величественная небесная река, светло вращается в небесах». Чжао — хороший иероглиф.

Юй Сяохуа уже рыдала.

Она не понимала, откуда Цзян Чэнъи знает слова, которые мама говорила при жизни, но это действительно были слова мамы.

— Я... я ещё хочу сменить фамилию, у-у! — Фамилия Юй была фамилией её отца. Она не хотела её и не желала носить!

Цзян Чэнъи гладил её по голове и одновременно одобрительно кивал:

— Можно. Тогда смени. Потом обратишься в местное управление. Учтывая, что ты предоставила столько доказательств, они не станут тебе препятствовать.

Младшая сестра плакала так, что стала похожа на человека из слёз. Цзян Чэнъи снова поманил Ци Юнь и попросил её отвести девушку умыться.

Когда младшая сестра ушла, у оставшихся глаза были круглыми, как медные колокольчики. Все ждали объяснений от Цзян Чэнъи.

Но тот сказал только:

— Скоро узнаете.

Хэ Суйсуй от злости затопала ногами:

— Ненавижу загадочников!

Эта фраза вызвала дружные кивки всех присутствующих.

Цзян Чэнъи отбросил их всех на задворки сознания и сам подошёл к режиссёру. Наклонился к его уху и что-то тихо сказал.

Остальные горящими глазами уставились на режиссёра, наблюдая за его выражением.

А потом увидели, как лицо режиссёра изменилось с = _ = на O _ O, потом на O□O, а в конце стало (□□□□□□).
(□□□□□□).

Как же интересно, что они там говорят!

Обговорив с режиссёром всё нужное, Цзян Чэнъи терпеливо стал ждать последнего момента.

После трёх часов дня у ворот остановилась машина. Юй Минь вернулся.

Одновременно режиссёр велел людям тихо открыть камеры и наказал оператору обязательно записать всё, что случится дальше. Это была мера на случай, если студия Юй Миня позже купит армию ботов и очернит съёмочную группу.

Когда Юй Минь вернулся, лицо у него по-прежнему было мрачным. Особенно когда он увидел Цзян Чэнъи, сильная ненависть была ничем не прикрыта.

Менеджер устроил ему жёсткую выволочку, но в душе он всё равно не соглашался.

Поэтому он не послушал предложений менеджера и настоял на возвращении к съёмкам.

Он не знал, что именно возвращение и станет настоящей дорогой к гибели.

Когда он вернулся, никто не обратил на него внимания. Даже мягкий Хэ Суйхуа молчал. Сцена общего отторжения сделала его и без того мрачное лицо ещё страшнее.

Юй Минь хотел найти свою сестру и увидел: сестра прячется за спиной Ци Юнь, а Ци Юнь с подругой сидят рядом с Ло Цюмином.

Когда они успели так сблизиться?

— Юй Сяохуа! — Он потерял мягкость, которую показывал перед камерой, и грубо выкрикнул

имя сестры. — Иди сюда!

Сестра вздрогнула. Этот тон Юй Миня был точь-в-точь как у отца.

Обычно, когда они таким тоном звали её, это означало, что они злятся и им нужен человек, чтобы выместить ярость.

А она и была домашним инструментом для вымещения злости.

Стоило сестре вспомнить прежние ругательства, побои, запиранья и даже голодовки... тело подсознательно задрожало.

Ци Юнь почувствовала её страх. Они с подружкой крепко обняли девушку и яростно посмотрели на Юй Миня.

Юй Минь холодно рассмеялся, оскалился и сказал:

— Ты моя сестра... хорошенько подумай!

Сестра поджала губы, слёзы крутились в глазах.

Но сейчас у неё была опора. Даже перед всё более свирепым голосом Юй Миня она не хотела слушаться.

Юй Минь совсем разозлился. Он не понимал, каким дурманом Ци Юнь напоила его сестру. Как получилось, что стоило ему полдня пролежать в больнице, эта девчонка уже перестала слушаться!

Раз не слушается, он прямо схватит её.

Но стоило ему собраться действовать, как Ло Цюмин встал, закрывая собой Ци Юнь и остальных.

Следом сзади протянулась рука и крепко сжала плечо Юй Миня:

— Что ты собираешься делать?

Юй Минь узнал голос Цзян Чэнъи, и от этого разозлился ещё сильнее.

— Твоё какое дело! Отвали! Это дело моей семьи!

Не только Цзян Чэнъи, никто посторонний не имел права вмешиваться в его семейные дела!

Но рука Цзян Чэнъи словно приросла к его плечу. Как бы Юй Минь ни боролся, вырваться не мог.

Вскоре все услышали неподалёку сирены.

Звук приближался и действительно шёл в их сторону.

Только когда две полицейские машины остановились перед домиком, все резко пришли в себя и посмотрели на режиссёра.

Неожиданно на лице режиссёра не было ни удивления, ни неловкости.

Будто он с самого начала знал, что приедет полиция.

Увидев его реакцию, они сразу вспомнили сцену, где Цзян Чэнъи шептался с режиссёром.

Неужели они тайком обсуждали именно это?

На самом деле, когда режиссёр увидел полицию, в душе он тоже был беспомощен.

Но он прекрасно понимал: это дело он точно не сможет замять. Даже если он не согласится, даже если Цзян Чэнъи ничего не сделает... после записи Юй Миня всё равно уведёт полиция. Тогда убытки программы будут ещё больше.

А сейчас... он ещё может срочно позвать кого-нибудь спасти выпуск.

Подумав об этом, он незаметно подал оператору знак. Тот остановил запись и переключился на прямую трансляцию.

Трансляция, закрытая больше половины дня, заставила поклонников разных семей выть от ожидания.

Поэтому, когда эфир снова открылся, бесчисленные зрители мгновенно хлынули внутрь и едва не положили трансляцию.

А потом они были потрясены картиной перед глазами.

Почему здесь полиция?

Увидев нескольких полицейских, вышедших из машины, Цзян Чэнъи сначала застыл, а потом отвернул лицо и рассмеялся.

Ой, кто бы мог подумать, опять знакомые!

Старший капитан Яо со своими подчинёнными прямо подошёл к Юй Миню. Показав удостоверение, он перед всеми с полным достоинством потребовал, чтобы Юй Минь поехал с ними на допрос.

— Допрос? Какой допрос?

Старший капитан Яо улыбнулся одними губами. Слова, вылетевшие из его рта, заставили Юй Миня покрыться холодным потом.

— Конечно, по поводу того, что ваша деревня столько лет сотрудничала с организацией торговцев людьми. Юй Минь, не говори мне, что ты совсем ничего не знаешь.

Эти слова старшего капитана Яо мгновенно вызвали огромный шум.

У присутствующих и у зрителей, смотревших трансляцию, в какой-то момент возникло подозрение, что они ослышались.

Торговцы людьми? Сделки? Перспективный актёр-звезда — как он может быть связан с таким делом?

Для зрителей это был удар прямо в лицо при открытии экрана!

Хуже всего пришлось фанатам Юй Миня. Со вчерашнего дня их со всех сторон накрывали сомнения: снаружи люди подозревали Юй Миня, внутри фандома по крупницам пересматривали прежние фрагменты, и у них самих тоже постоянно рождались сомнения.

Теперь, увидев, как полиция говорит это, очень многие фанаты почувствовали, будто небо рухнуло.

Юй Минь в этот момент тоже чувствовал, что небо рухнет. Он никак не мог представить, что однажды дела его семьи будут раскрыты.

Разве люди в деревне не очень сплочённые? Как полиция смогла до них докопаться?

Цзян Чэнъи отпустил руку и подтолкнул Юй Миня к подчинённым старшего капитана Яо.

Но Юй Минь не хотел покориться судьбе:

— Нет, какое это имеет ко мне отношение? Это ведь не я делал! На каком основании меня арестовывают?

Чем больше он говорил, тем больше чувствовал, что прав.

Старший капитан Яо равнодушно посмотрел на него и не стал продолжать разговор. Он только сделал жест, и люди прямо затолкали Юй Миня в полицейскую машину.

Есть ли у него проблемы, решает не он, а доказательства.

Увидев, как Юй Миня увезли, оставшиеся не решались приближаться к старшему капитану Яо. Но то, что он сделал дальше, заставило их чуть не выронить глаза. Суровый и внушительный офицер, увидев Цзян Чэнъи, мгновенно смягчил взгляд, как будто смотрел на собственного младшего.

Нет, даже ласковее, чем на младшего.

— Кхм, Сяо Цзян, когда будет время, приходи к нам в управление? Начальник Чжоу довольно сильно по тебе скучает.

Взгляд Цзян Чэнъи был полон беспомощности. Кто вообще так приглашает людей в полицейский участок?

Старший капитан Яо всё ещё улыбался. Цзян Чэнъи сначала хотел отказать, но, вспомнив огромную организацию торговцев людьми, всё же замялся.

Увидев, что он не отказал сразу, в глазах старшего капитана Яо промелькнула радость.

— Та организация... — тихо сказал он, затем взглядом показал на полицейскую машину, где был Юй Минь, и раскрыл Цзян Чэнъи немного информации. — Они затрагивают слишком много мест. Хотя мы можем сотрудничать между регионами, территория слишком широкая, искать очень трудно.

Верно. В информации, которую начальник Чжоу привёз обратно, действительно были их примерные места.

Только когда они отправились на задержание, те люди уже заранее ушли.

— Какая-то мразь слила им информацию. Поэтому... — Когда старший капитан Яо заговорил об

этом, на лице у него были и ярость, и печаль.

Сейчас он отчаянно хотел вытащить эту мразь наружу!

Именно из-за утечки их операция почти провалилась, и они не поймали даже хвоста.

Единственной добычей стали материалы, которые те люди не успели забрать, потому что бежали слишком поспешно.

По этим данным они нашли информацию о похищенных жертвах. Но большая часть этих данных уже есть на листах А4!

— Я слышал от полиции Аньчэна, что у них в руках есть диск поиска следов... — Произнося последние три слова, старший капитан Яо засветился глазами и с полным ожиданием посмотрел на Цзян Чэнъи.

Цзян Чэнъи отступил на шаг. Взгляд старшего капитана Яо был как у хорька, который три дня и три ночи голодал и увидел курицу. От него становилось страшновато.

— Давайте после того, как я разберусь с делами здесь... — Цзян Чэнъи продолжил пятиться.

Однако, услышав его согласие, старший капитан Яо на волне эмоций подскочил и крепко обнял Цзян Чэнъи.

— Ты, маленький товарищ, и правда добрый сердцем!

Цзян Чэнъи выглядел почти отчаявшимся. Этот офицер так разволновался, что не удержал силу...

Когда он хотел вырваться, между ними вдруг появилась сила и просто разделила их.

Старший капитан Яо ничего не видел, зато Цзян Чэнъи видел очень ясно.

Дух колокольчика появился между ними и прямо своим телом отделил его от старшего капитана Яо.

С другой стороны, старший капитан Яо ничего не заподозрил. Убедившись в хорошей новости, он помахал Цзян Чэнъи на прощание.

После того как все полицейские машины уехали, режиссёр с серьёзным выражением перед камерой объявил, что для этого выпуска найдут нового участника и продолжат съёмки.

Программа снова выйдет в эфир через неделю.

Выключив камеры, режиссёр рассказал всем о новых планах.

Только после этого его взгляд упал на Цзян Чэнъи:

— А вы продолжите участвовать?

Честно говоря, трафик, который сейчас приносил обычный участник Цзян Чэнъи, был выше, чем популярность киноимператора Ло Цюмина.

Если возможно, режиссёр не хотел его менять.

Но... по отношению старшего капитана Яо было видно, что способности этого человека огромны. Даже общественную безопасность встревожил. Режиссёр не осмеливался решать за него.

Цзян Чэнъи, в общем, было всё равно. Только он надеялся, что новый участник будет спокойным человеком.

Дальше ему нужно помочь Хэ Суйсуй найти биологических родителей. Нужно сходить в управление Чашаня и посмотреть, что там происходит.

И ещё этот дух!

Цзян Чэнъи придержал лоб и глубоко вздохнул.

Похоже, отец когда-то предупреждал его правильно: «Хочешь играть — играй, пока можешь. Иначе, когда примешь супермаркет, боюсь, долгое время будешь занят!»

— Я... продолжу. Раз деньги уже взял, лучше довести дело до конца. Только человека найдите понадежнее. — Цзян Чэнъи слабо напомнил.

Это поставило режиссёра в трудное положение.

Когда он приглашал Юй Миня, ему тоже казалось, что Юй Минь очень надёжен. Как режиссёр, он тоже не хотел, чтобы из-за проблемного гостя программа не могла выйти!

От этой мысли режиссёр почувствовал, что скоро облысеет.

Шоу временно приостановили. Несколько гостей решили сначала съездить домой, а Хэ Суйсуй и её брат Хэ Суйхуа прямо последовали за Цзян Чэнъи в супермаркет.

Ло Цюмин изначально хотел вернуться вместе с Цзян Чэнъи, но молодой человек отказал.

— Я знаю, ты обо мне беспокоишься, но я уже взрослый и могу сам о себе позаботиться. Быстрее возвращайся к сестре Мяомяо.

Ло Цюмин был безжалостно брошен Цзян Чэнъи. Через несколько часов они втроём подошли к дверям супермаркета.

Увидев слегка старую маленькую лавку, Хэ Суйсуй первым делом подумала, что Цзян Чэнъи нужно купить помещение побольше!

Но после того как они вошли, брат и сестра поняли: этот супермаркет совсем не похож на обычный супермаркет в их представлении.

Цзян Чэнъи как обычно привёл их во внутренний дворик, а затем снова стал вслушиваться в самый глубокий голос сердца Хэ Суйсуй.

Когда он закрыл глаза, брат и сестра переглянулись и послушно замолчали, ожидая распоряжений Цзян Чэнъи.

Голос сердца Хэ Суйсуй тоже был довольно спутанным. Она хотела многого. Кроме поисков родных родителей, там была ещё и её карьера.

Эти два голоса сердца были почти одинаково сильны.

Цзян Чэнъи потёр переносицу. Сейчас карьера Хэ Суйсуй шла довольно хорошо и не сталкивалась с тяжёлыми препятствиями, поэтому он не собирался помогать её карьере.

Он достал золотые счёты и подсчитал заслуги Хэ Суйсуй.

Сначала брат и сестра удивились чудесной природе золотых счётов, а потом их внимание сосредоточилось на заслугах Хэ Суйсуй.

Точнее, на иньдэ, оставленных ей предками.

Услышав итоговую цифру, Хэ Суйсуй так удивилась, что не могла закрыть рот.

— Значит... — У неё закружилась голова. Она подозревала, что Цзян Чэнъи тогда обратил на

неё внимание именно из-за слишком большого количества иньдэ.

— Да. Я говорил брату Цюмину: семья с такими богатыми иньдэ точно не может быть обычной. Но брат Цюмин сказал, что твоё семейное положение не очень хорошее. Поэтому я решил, что с твоей стороны есть проблема.

Вот оно как...

Хэ Суйсуй и Хэ Суйхуа поздно поняли: они тоже были рыбами, которых Цзян Чэнъи планировал выловить.

Но у них не было возражений. Они чувствовали только счастье.

— Тогда Хэ Суйсуй пойдёт со мной.

Цзян Чэнъи повёл её одну к тайной двери, оставив Хэ Суйхуа ждать во дворе.

Хэ Суйхуа на самом деле хотел пойти с ними, но младшая сестра отказалась.

К счастью, ждать пришлось недолго. Когда сестра вернулась, её вид был немного рассеянным, словно она пережила что-то невообразимое.

Цзян Чэнъи увидел напряжение в глазах Хэ Суйхуа и сам отступил на шаг.

— Всё. Госпожа Хэ Суйсуй получила то, что хотела. Дальше найдите в Хуачэне гостиницу и отдохните.

На этот раз за тайной дверью им дали не лопань и не диск поиска следов, а конфету.

Стоит съесть эту конфету, и Хэ Суйсуй во сне получит всю информацию, которую хочет узнать.

И информация эта будет не только о родных родителях и местонахождении родной сестры Хэ Суйхуа, но и о правде их подмены.

Проводив их, Цзян Чэнъи постучал по супермаркету.

— Ты специально сделал для неё такую дорогую вещь?

Голос сердца, который он услышал, не включал правду о подмене. Если речь только о поиске людей, то предмет, который получила бы Хэ Суйсуй, стоил бы около одной-двух тысяч очков

заслуг. Возможно, как тот диск поиска следов, он даже не был бы одноразовым.

А эта сделка сняла с Хэ Суйсуй целых десять тысяч очков заслуг!

Хотя для Хэ Суйсуй десять тысяч были не так уж велики, необходимости в этом явно не было.

Супермаркет немного промычал и только потом объяснил:

□Не волнуйся. Эта вещь точно ей нужна. Я просто решил всё за один раз.□

Эта конфета за десять тысяч очков заслуг могла не только сделать то, что озвучил Цзян Чэнъи. У неё была ещё одна ключевая функция.

Цзян Чэнъи тут же заинтересовался:

— Какая функция? Я, оказывается, не знаю!

Такого не может быть. Тогда он же выучил подробное описание всех товаров внутри.

Супермаркет молчал. Цзян Чэнъи ничего не оставалось, кроме как потом ещё раз спросить у Хэ Суйсуй.

С другой стороны брат и сестра, следуя словам Цзян Чэнъи, нашли гостиницу. Хэ Суйсуй положила полученную вещь на стол.

— Он сказал: если я съем эту конфету, то узнаю всю информацию, которую хочу знать.

Хэ Суйсуй никак не ожидала, что в этом огромном звёздном море она получит конфету!

Это казалось ей невероятным. На мгновение она даже заподозрила, что Цзян Чэнъи специально её разыгрывает.

Но на самом деле она ничем не заплатила. Так называемые заслуги она не видела и не могла потрогать. Даже если бы захотела использовать их для себя, не знала бы как.

Хэ Суйхуа долго смотрел на конфету, но тоже ничего не понял.

— Остаётся... только попробовать.

Хэ Суйсуй велела брату присмотреть за ней, а потом одним укусом раскусила конфету и проглотила.

Вскоре густая сонливость накрыла её разум. Хэ Суйсуй легла на кровать и уже через несколько секунд погрузилась в глубокий сон.

Во сне Хэ Суйсуй почувствовала, как её душа отделяется от тела. Пройдя через тоннель, похожий на звёздное небо, она оказалась в другом месте.

Это была больница. Название больницы заставило её сердце дрогнуть.

Потому что это была та самая больница, где она появилась на свет.

Хэ Суйсуй стояла у входа и оцепенело смотрела на большие иероглифы перед собой.

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем она шагнула внутрь.

В настоящей больнице много отделений, но перед Хэ Суйсуй была только одна дорога, по которой она могла идти.

Чем быстрее она шла и чем ближе становилась цель, тем сильнее нервничало сердце Хэ Суйсуй.

Когда она поднялась на пятый этаж, как раз увидела двух медсестёр: каждая держала на руках по ребёнку, они вышли из родильных палат и показывали детей родственникам снаружи.

Она увидела, как её папа и бабушка по маминой линии радостно смотрят на одного ребёнка. А у другой родильной палаты вообще никого не было.

Сердце Хэ Суйсуй резко провалилось.

Теперь она ясно понимала: то, что она видит, должно быть обстоятельствами рождения её и другой девочки. Ребёнок, которого любили папа и бабушка, был их настоящей дочерью. А та, кого никто не ждал у пустой палаты, — она сама.

Она не знала, почему у этой стороны не было ни одного родственника. Им было... всё равно на её родную мать? Или им не нравилось, что родилась девочка?

У Хэ Суйсуй защипало и потеплело в глазах. Она вдруг почувствовала вину.

Если причина правда в одном из этих двух вариантов, то настоящей дочери этой семьи, должно

быть, пришлось вынести столько холода!

Увидев, как медсёстры унесли детей, она поспешно пошла следом и вместе с ними добралась до палаты новорождённых.

Она видела, как медсёстры надевают младенцам браслеты на руки и ноги. По логике, при таком их не должны были перепутать.

Хэ Суйсуй всё время оставалась там. Когда наступила ночь, она увидела, как в коридоре появилась фигура.

Это была медсестра, но...

Взгляд Хэ Суйсуй упал на её голову и грудь. На ней не было медсестринской шапочки, не было бейджа. Эта женщина больше походила на фальшивую медсестру.

Она тихо пробралась в палату новорождённых, одного за другим проверила браслеты младенцев, а потом остановилась перед Хэ Суйсуй.

Хэ Суйсуй заметила, как взгляд женщины постепенно стал свирепым. Она совсем не выглядела так, будто хочет подменить детей. Скорее как человек, который хочет убить ребёнка!

В сердце Хэ Суйсуй вспыхнул испуг. Она тут же бросилась к двери, желая войти и остановить эту женщину.

Но рука прошла сквозь дверную ручку, а всё тело осталось снаружи. Эта палата новорождённых будто не позволяла ей войти.

В этот момент женщина уже открыла бокс и протянула дьявольские когти к хрупкому новорождённому внутри.

Бах!

— Отпусти меня!

В тревоге Хэ Суйсуй вдруг с силой ударила обеими руками по стеклу снаружи, вызвав громкий звук.

Женщина, кажется, услышала этот звук и от испуга тут же убрала руки.

Но обнаружив, что вокруг никого нет, она снова протянула руку.

— Отпусти меня! Что ты хочешь со мной сделать! — Чем больше Хэ Суйсуй смотрела, тем страшнее ей становилось. Теперь она была уверена: эта женщина правда хочет её убить!

Бах, бах, бах!

Громкие удары один за другим звучали у женщины в ушах, но как бы она ни оглядывалась, снаружи никого не видела.

Её руки сжали шею младенца. Стоит ей только добавить немного силы...

Неизвестно, было ли это сердечной связью, но Хэ Суйсуй тоже почувствовала, как чьи-то руки с силой сдавили ей шею.

Дышать становилось невозможно.

Хэ Суйсуй красными глазами смотрела на женщину внутри. Сила ударов по стеклу становилась всё больше.

Наконец в коридоре прозвучал стук.

— Кто там! — Медсестра заметила неладное и поспешно прибежала.

Женщина испугалась и в душе всё ещё не понимала, откуда берутся эти громкие звуки.

Времени не было. Она снова сжала руки.

Когда младенец почти перестал дышать, медсестра наконец прибежала:

— Что вы делаете! Отпустите!

Увидев, что кто-то пытается задушить младенца, дежурная медсестра испугалась так, что душа едва не вылетела.

Она поспешно схватила женщину за руку и попыталась силой оттащить от ребёнка.

Но женщина не собиралась сдаваться. Они начали бороться и в конце концов сцепились.

И именно в этот момент свет в комнате погас. Коридор тоже погрузился во мрак. В больнице, кажется, отключили электричество.

Женщина понимала: это сообщник выигрывает ей время. Но медсестра оказалась удивительно упрямой. Когда сил не хватило, она пустила в ход зубы!

Она вцепилась зубами в запястье женщины, и та вскрикнула от боли.

Шум с их стороны становился всё громче. Услышав приближающиеся шаги, женщина в конце концов была вынуждена отказаться от плана и решила сначала бежать.

Однако в тёмной обстановке она не заметила и задела несколько боксов с младенцами, стоявших рядом, сбив их в беспорядок.

От толчков в темноте раздался детский плач.

У женщины от этого звука заболела голова. К тому же медсестра не давала ей убежать. Поэтому она решила схватить наугад ребёнка в заложники.

Но медсестра тоже словно обезумела: увидев, что женщина всё ещё не останавливается, она прямо бросилась на неё, схватила за волосы и резко дёрнула.

— А-а-а! Отпусти! — Женщина закричала от боли и начала размахивать руками вокруг.

И только Хэ Суйсуй снаружи видела всё ясно: женщина сорвала браслеты с неё и ещё с двух младенцев.

В конце концов женщина озверела, швырнула медсестру на пол и поспешно сбежала из больницы.

Когда прибежали другие медсёстры, дежурная медсестра лежала без сознания.

После включения света все обнаружили у неё кровь на затылке.

Что до трёх младенцев, с которых сорвали браслеты, самым лёгким для распознавания был единственный мальчик. А двум девочкам медсёстры, опираясь на обрывки браслетов, оставшиеся в боксах, сделали новые браслеты.

На первый взгляд всё вернулось к спокойствию.

Но Хэ Суйсуй знала: тот обрывок во время отрыва случайно упал в бокс другого новорождённого.

Поэтому медсёстры перепутали личности двух девочек.

— Так вот как это было... — Хэ Суйсуй почувствовала абсурдность происходящего.

Сначала она хотела обвинить дежурную медсестру в том, что та плохо следила за палатой. Но когда вспомнила, как эта медсестра ради защиты детей оказалась вся в крови, ей стало жаль её.

Больница была виновата, потому что не уследила как следует. Иначе та женщина не смогла бы пробраться внутрь.

Но... кто мог подумать, что появится человек, который попытается проникнуть в палату новорождённых и убить ребёнка!

Причём было очевидно: действия той женщины заранее спланированы.

Увидев правду о подмене, Хэ Суйсуй обернулась и обнаружила, что окружающая сцена быстро исказилась.

Едва она моргнула, как увидела элегантную пожилую супружескую пару. Они тревожно ходили по больнице кругами, время от времени смотря на человека в палате.

Хэ Суйсуй будто что-то почувствовала. Она подошла к палате и увидела внутри слабую девушку, лежащую на кровати.

Этот вид был почти точно таким же, как у её мамы и папы перед смертью!

Она больна?

Все мысли Хэ Суйсуй сосредоточились на исхудавшем лице девушки. Она долго смотрела на неё, потом резко повернулась и ушла.

Проснувшись, Хэ Суйсуй не сразу поднялась.

Она открыла глаза, и слёзы медленно потекли из уголков. Сердце слабо тянуло болью.

— Что случилось? Что ты увидела? — прозвучал рядом голос брата.

Хэ Суйсуй шмыгнула носом, в голосе был плач:

— Брат, она больна.

Хэ Суйхуа сначала не отреагировал. Пока Хэ Суйсуй не заговорила снова:

— Младшая сестра. Твоя младшая сестра больна. Она выглядит так же, как мама с папой... тогда.

После этих слов она снова не смогла сдержать плач, повернулась набок, обняла подушку и долго, тяжело плакала.

Хэ Суйхуа был в оцепенении и растерянности. С трудом придя в себя, он резко встал:

— Где она? Я хочу её увидеть!

Хэ Суйсуй поспешно вытерла слёзы и, всхлипывая, сказала:

— Идём! Поедем вместе!

Смерть родителей оставила на брате и сестре слишком глубокую тень. Руки Хэ Суйхуа дрожали, в голове снова и снова всплывала картина, как маму и папу накрывают белой тканью.

Он правда не хотел... не хотел снова терять родного человека!

Покидая сон, Хэ Суйсуй специально посмотрела номер палаты и название больницы. Найдя местоположение больницы, они успели на ближайший самолёт.

Через четыре часа они добрались до столицы.

Та больница была одной из лучших в столице. Туда часто приезжали лечиться со сложными и редкими болезнями.

Или с неизлечимыми болезнями.

Хэ Суйсуй не разглядела, что было написано в истории болезни девушки, но в дороге уже подсчитала всё своё имущество.

В душе она тайно приняла решение.

Если у той нет денег на лечение, она ни за что не останется в стороне. И ради брата, и ради предсмертного желания родителей она сделает всё возможное, чтобы помочь этой бедной девушке.

Что до подмены между ними, перед лицом жизни всё это было неважно!

<http://bllate.org/book/17657/1724460>